

ЗОЛОТАВИНА ВАЛЕНТИНА

ЗАЛ ЖИВЫХ

АЛЕКСАНДР
3 ТЕРМИНАЛ
ВЫХОД

КОФЕ

ТВОЙ БАГАЖ — ТВОЯ ПАМЯТЬ.
ТВОЙ ВЫБОР — ТВОЙ ПУТЬ.

Валентина Золотавина

Зал Живых

<https://litres.ru/74066628>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они умерли. Им дали шанс прожить чужую жизнь. Каждый понял: своя — лучше.

Аэропорт, где нет рейсов. Табло с именами умерших. Буфет, где подают кофе тем, кто уже ничего не заказывал.

Жизни с попытками стать кем-то другим.

Мать уставшая от детей — мечтает о свободе блогерши. Офисный работник — о славе рок-музыканта. Бизнесмен — о покое монаха. Врач, спасший тысячи жизней, — о миллионах просмотров.

Они садятся в самолёт. Проживают чужую мечту. И возвращаются, чтобы сказать: «Моя жизнь — не идеал. Но она — моя».

Книга, после которой вы посмотрите на свою жизнь иначе. И возможно, впервые за долгое время скажете себе: «Спасибо».

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Елена	12
Глава 2. Андрей	29
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Валентина Золотавина

Зал Живых

Пролог

Он проснулся от того, что кто-то негромко кашлянул.

Глаза открылись сами собой, никакого усилия и никакого «где я?» — сначала просто свет. Много света. Серого, ровного, как бывает перед дождём, когда небо становится одним большим экраном без картинки.

Он сидел в обычном кресле. Серая обивка, подлокотники поцарапаны, но чисто. Впереди — такие же кресла. Слева и справа — тоже. Ряды уходят в полумрак, но не бесконечно. Где-то через двадцать метров стеклянная стена, а за ней — ничего. Просто серая дымка.

Аэропорт.

Он понял это не сразу, а через секунду. По ровному полу без единой пылинки, по креслам, по странной тишине, которая не бывает в настоящих аэропортах. Там всегда гул, а здесь — тишина и только собственное дыхание.

Он повернул голову.

Справа, через три кресла, спал мужчина в помятом костюме. Голова запрокинута, рот приоткрыт, под глазом — синяк, или это просто тень.

Слева — женщина лет пятидесяти читает книгу. Обложка серая, названия не разобрать. Она не поднимает глаз и просто листает страницу.

Дальше — ещё кто-то. Парень, юный совсем, сидит, смотрит в пол. Не двигается.

Всего человек семь, ну может, восемь.

Он посмотрел под ноги. Рядом стоял чемодан. Чёрный, старый, с царапинами. Он знал этот чемодан, но не мог вспомнить откуда. Ручка тёплая, как будто его только что поставили.

Он встал. Ноги слушались, но как-то чуть легче обычного, будто он сбросил пять килограммов, о которых и не знал.

В зале было прохладно. Он пошёл вдоль рядов: стёкла, кресла, потолок, который теряется где-то в вышине. Через каждые двадцать метров — колонны. Металлические, матовые, без блеска.

Никаких стоек регистрации. Никаких указателей «Выход», «Туалет», «Кафе». Только кресла и тишина.

И вдруг — запах.

Кофе.

Свежий, горьковатый, настоящий. Он пошёл на запах, обогнул колонну и увидел буфет.

Маленькая стойка из тёмного дерева. За ней — мужчина лет пятидесяти в тёмно-синей форме. Фуражки нет, но пиджак застёгнут на все пуговицы. На груди — бейдж, но имени на нём не написано, просто чистый прямоугольник.

Мужчина протирал чашку. Увидел его, кивнул.

— Садитесь.

Голос низкий, спокойный. Ни приветствия, ни улыбки. Просто констатация факта.

Он сел на высокий стул. Спинка неудобная, но сидеть можно.

Мужчина поставил перед ним чашку. Чёрный кофе. Пар ещё шёл.

— Я не заказывал, — сказал он.

— Это не заказ, — ответил мужчина. — Это кофе.

Он хотел спросить, сколько стоит, но язык не повернулся, что-то было не так.

Он взял чашку и кофе оказался идеальным. Горьким, но не слишком. Горячим, но не обжигающим.

— Где я? — спросил он.

Мужчина посмотрел на него. Долго. Без осуждения, без жалости. Просто смотрел.

— В зале ожидания, — сказал он наконец.

— Какого рейса?

— Своего.

Он отхлебнул кофе. Поставил чашку.

— Я не понимаю.

— Это нормально, — сказал мужчина. — Никто сразу не понимает.

Он хотел спросить ещё что-то, но мужчина уже отвернулся к кофемашине. Разговор был закончен.

Он встал и пошёл дальше.

Теперь он заметил, что стёкла не везде одинаковые. В одном месте — сплошная стена. В другом — огромное окно, за которым серый свет. В третьем — дверь, обычная, белая, без ручки.

Он подошёл к ней. Попробовал толкнуть — не поддалась. Дёрнул — бесполезно.

Он прошёл вдоль стены. Ещё одна дверь. Тоже закрыта. И ещё.

В конце зала, у самой дальней стены, он увидел табло.

Старое, чёрное, с зелёными буквами, как на вокзалах в детстве и строчки ползли сверху вниз.

РЕЙС 741 — ВЫХОД 1 — ОТПРАВЛЕН

РЕЙС 203 — ВЫХОД 3 — ОТПРАВЛЕН

РЕЙС 892 — ВЫХОД 2 — ПОСАДКА

Он всмотрелся. Под этими строчками — новые.

АНАСТАСИЯ В. — ВЫХОД 1 — ОТПРАВЛЕНА

АНДРЕЙ Ж. — ВЫХОД 3 — ОТПРАВЛЕН

ЕЛЕНА Д. — ВЫХОД 2 — ПОСАДКА

Имена.

Вместо рейсов — имена.

У него замерзли пальцы. Он не знал этих людей, но он

понял, что это не обычный аэропорт.

Он обернулся.

Женщина с книгой сидела на том же месте. Парень смотрел в пол. Мужчина в костюме спал.

Никто не спешил к табло. Никто не проверял свои имена.

Он подошёл к парню.

— Извините.

Парень поднял голову. Ему было лет двадцать. Глаза пу-
стые, но не больные — просто уставшие.

— Вы знаете, где мы? — спросил он.

Парень посмотрел на него и моргнул.

— В аэропорту, — сказал он. — Но рейсы не сюда и не
отсюда, а просто через.

— Куда?

Парень пожал плечами.

— Не знаю. Я ещё не решил.

Он отошёл. Шаг. Второй. Сердце — он чувствовал его —
билося ровно, но странно. Слишком ровно и без паники.

Он умер.

Он это понял не в тот момент. Понял чуть позже, когда
снова сел в кресло и посмотрел на свои руки. Они были его.
Но какие-то более его. Как если бы всё ненужное ушло, оста-
лась только суть.

Он умер.

Он не помнил как. Но знал — да. Это случилось. И теперь
он здесь.

Через некоторое время он заметил, что люди уходят.
Не толпой. По одному.

Сначала проснулся мужчина в костюме. Протёр глаза, посмотрел на табло, встал и пошёл к выходу. Не к тому, где были закрытые двери, а к другому — сбоку, которого он раньше не замечал.

У выхода стояла девушка.

Тоже в форме, как мужчина в буфете. Тёмно-синий пиджак, бейдж без имени. Но она улыбалась. Коротко, чуть устало, но тепло.

Она посмотрела на планшет, кивнула мужчине.

— Билет, пожалуйста.

Мужчина полез в карман пиджака и достал белую карточку. Откуда она взялась? Он не знал. Просто была.

Девушка взяла её, приложила к планшету.

— Выход 3. Самолёт через пять минут.

— А куда? — спросил мужчина.

Девушка посмотрела на него. Улыбка чуть шире.

— Туда, куда вы захотели.

Мужчина кивнул. Сделал шаг.

— Ваш багаж — это ваша память, — сказала девушка ему в спину.

Мужчина не обернулся. Дверь открылась — мягко, без звука — и закрылась за ним.

Он сидел и смотрел. Женщина с книгой ушла следующей. И парень. И ещё кто-то.

Табло мигало зелёным.

Он остался один... Тогда он встал и пошёл к выходу. Девушка его уже ждала. Та же улыбка, тот же планшет.

— Здравствуйте, — сказала она.

— Здравствуйте.

Она посмотрела на него. Внимательно. Не как на клиента — как на старого знакомого.

— Вы опоздали.

— Куда?

— В общем смысле, но это не страшно. У вас билет с открытой датой.

Он не понимал, о чём она говорит. Но в руке — он не заметил как — появилась белая карточка.

— Что это? — спросил он.

— Билет. Каждый получает при входе.

Он посмотрел на карточку. Пустая. Ни номера, ни имени, ни места.

— И куда я могу полететь?

Девушка — Лина, как он потом узнает — убрала планшет под мышку.

— Сначала — никуда. Сначала вы должны решить.

— Что решить?

Она посмотрела ему прямо в глаза и сказала то, что изменит всё:

— Жалеете ли вы о своей жизни. Если да — о чём именно?

Вопрос повис в воздухе. Не тяжёлый, нет. Лёгкий, как пух.

— Я — начал он и замолчал.

Потому что впервые за долгое время — за всю жизнь? — он не знал, что ответить.

Лина улыбнулась.

— Ничего страшного. У вас есть время и в зале есть буфет. Кофе отличный.

Она отошла в сторону, освобождая проход.

— Когда решите — подходите. Я вас не потеряю.

Он остался стоять. А в буфете Марк мыл чашки и смотрел в одну точку.

Табло мигнуло.

НОВЫЙ ПАССАЖИР — ВЫХОД — ОЖИДАНИЕ

Глава 1. Елена

Она проснулась от тишины.

Странное ощущение — проснуться от того, чего нет. Ни будильника, ни детского крика, ни мужа, который шуршит газетой на кухне. Ничего. Просто серая тишина.

Елена открыла глаза.

Потолок терялся где-то в вышине. Серый свет лился оттуда, откуда свету браться не положено — ни ламп, ни окон. Просто свет.

Она сидела в кресле. Обивка серая, мягкая, но чужая, это было не её кресло.

Попыталась вспомнить, как здесь оказалась, — и не смогла. Лишь очертания : вечер, дети уложены и она села на диван на пять минут. На пять минут. А потом

Потом ничего.

Елена перевела взгляд вниз. У ног стоял рюкзак.

Рюкзак был старый и пыльный тёмно-синего цвета, но когда-то давно, а теперь выцветший до грязно-серого. Молния разъехалась посередине, и из щели торчало что-то розовое.

Она наклонилась, потянула за край и вытащила носок. Он был детский с зайчиком. Тот самый, что она искала две недели, перерыла всю квартиру, а потом купила новый, а этот нашёлся в стиральной машине.

Сунула руку глубже — огрызок синего карандаша и за-

сохший бутерброд в фольге, который она собирала Саше в школу три года назад, положила и забыла отдать.

Елена застегнула молнию. Та не поддалась — разошлась снова. Она дёрнула сильнее. Бесполезно.

Вздохнула.

Хоть бы новый купить. Но когда? В какой такой выходной, когда Дима смотрит футбол, а дети дерутся на кухне, а у неё ещё отчёты, ужин, стирка, собрать портфели, проверить уроки, погладить, помыть, закрыть, открыть, успеть, не опоздать, не забыть, не сорваться, не закричать, не заплакать

Она не заметила, как сжала лямку так, что побелели пальцы.

Рядом, через три кресла, спал мужчина в помятом костюме. Слева — женщина с книгой. Та не читала, просто держала книгу на коленях и смотрела в одну точку. Дальше — ещё кто-то. Людей было очень мало — семь, а может и шесть.

Елена встала. Ноги слушались, даже лучше, чем обычно — не гудели, не ныла поясница. Только странная лёгкость во всём теле, будто она сбросила рюкзак. Хотя рюкзак был при ней.

Она огляделась.

Большой зал ожидания, но пустой и стеклянный. Через каждые двадцать метров — металлические колонны. Пол блестит, как после уборки. Табло на дальней стене мигает зелёными буквами.

АННА В. — ВЫХОД 1 — ОТПРАВЛЕНА

НИКОЛАЙ П. — ВЫХОД 3 — ОТПРАВЛЕН

Вместо рейсов — имена. Елена почувствовала, как холодок пробежал по спине. Она не знала этих людей, но почему-то стало грустно.

Пахло кофе.

Она пошла на запах, обогнула колонну и увидела буфет. Маленькая стойка из тёмного дерева, а за ней — мужчина в тёмно-синей форме. Лицо спокойное, как у человека, который видел всё и ничего уже не ждёт.

— Садитесь, — сказал он.

Голос низкий, ровный. Не приглашение — констатация.

Елена села и рюкзак поставила на пол, между ног.

Мужчина поставил перед ней чашку. Чёрный кофе. Пар ещё шёл.

— Я не заказывала, — сказала Елена.

Мужчина посмотрел на неё. Без улыбки, но и без холода. Просто смотрел.

— Это не заказ. Это кофе.

Она взяла чашку и глотнула. Идеальный кофе. Горький, горячий, но не обжигает. Она насладились закрыв глаза, но через секунду всколыхнулась.

— Где я? — спросила она.

— В зале ожидания.

— Какого рейса?

Мужчина помолчал. Протёр край стойки чистой тряпкой.
— Своего, — сказал он наконец. — Но вы не торопитесь.

Вы даже не знаете, куда хотите лететь.

Елена отставила чашку.

— Это аэропорт?

— Похоже.

— Но я — Она замолчала. Слово «умерла» не лезло в голову. Слишком громко. Слишком окончательно.

Мужчина словно прочитал её мысли.

— Не надо пока ничего называть, — сказал он. — Пейте кофе.

Она выпила почти до дна. Поставила чашку.

— Сколько с меня?

Мужчина убрал чашку.

— Всё уже оплачено.

— Кем?

— Жизнью.

Он не улыбнулся этой шутке, потому что это была не шутка.

Она пошла по залу. Обогнула колонны, миновала кресла. Женщина с книгой так и сидела, не переворачивая страницу. Парень в углу спал, укрывшись курткой.

Стёкла, пол, тишина.

Елена остановилась у табло. Строчки ползли медленно.

ИГОРЬ С. — ВЫХОД 2 — ПОСАДКА

Игорь С. Кто это? Успел ли он понять, прежде чем уйти? Или тоже сидел в кресле, пил кофе и не верил?

Она провела рукой по стеклу табло и пальцы оставили след — след сразу исчез.

— Вы кого-то ищете?

Голос сзади. Елена обернулась.

Девушка в такой же тёмно-синей форме, как у мужчины, который подавал кофе. Молодая, лет двадцать семь, русые волосы собраны в низкий хвост, а в руках — планшет.

И улыбка — короткая, чуть усталая, но тёплая. Как у стюардессы, которая устала летать, но всё ещё любит свою работу.

— Нет, — сказала Елена. — Я просто смотрю.

— Все смотрят, — сказала девушка. — Это нормально.

Она подошла ближе, тоже посмотрела на табло.

— Скоро ваше имя появится.

— Откуда вы знаете?

— Я здесь работаю. Я провожаю.

— Куда?

Девушка повернулась к ней. Посмотрела внимательно, как смотрят на старого знакомого, которого не видели сто лет.

— Туда, куда вы выберете, — сказала она. — Но сначала вы должны решить.

— Что решить?

— Жалеете ли вы о своей жизни. Если да — о чём имен-

но?

— Я — начала она и замолчала.

Потому что вопрос был не про жизнь. Вопрос был про неё, настоящую. Ту, которую она прятала под списками дел, под усталостью, под «мамой, ну ещё пять минут».

— У вас есть время, — сказала девушка. — В зале есть буфет. Кофе там отличный.

Она повернулась и пошла к выходу. Елена окликнула:

— Как вас зовут?

Девушка обернулась.

— Лина.

— А его? — Елена кивнула в сторону буфета.

— Марк. Он здесь с самого начала.

— С какого начала?

Лина улыбнулась той своей короткой улыбкой.

— С самого.

Елена села в кресло. Рюкзак стоял у ног. Молния разошлась снова, из щели торчал розовый носок.

Она смотрела на него и думала.

Жалеет ли она о своей жизни?

Мне тридцать семь лет. Муж Дима — хороший, надёжный, только смотрит футбол слишком громко и никогда не замечает, что у неё новое платье. Саша — десять лет, и он отличник, но врёт, когда его спрашивают, сделал ли уроки. Катя — уже шесть лет, плакса, дерётся в садике и рисует на обоях.

Работа — три дня в неделю, офис, отчёты, начальник, который говорит «Елена, ну вы же мать, должны уметь планировать время».

Мои родители — в другом городе и всегда звонят по воскресеньям. Мама всегда вздыхает: «Лена, ты так выглядишь уставшей».

И она уставала. Каждый день, и каждую ночь, когда вставала к Кате, которая боялась спать одна и каждое утро, когда будила Сашу в школу, потому что тот «ещё пять минут».

Она уставала.

Но жалела ли она?

Нет. Не жалела.

Она злилась. Бесилась. Хотела иногда быть в подушку или уйти в лес и не возвращаться. Но не жалела.

Однако было кое-что.

Она смотрела на других женщин.

На Катю из параллельного отдела, потому что та без детей, без мужа, в командировки летает, на Мальдивах была, в Париже, в Нью-Йорке. На фотографиях — всегда с бокалом, всегда улыбается, всегда новая сумочка.

Елена подписалась на неё в Инстаграме три года назад. И каждый раз, когда видела очередное фото с пляжа или ресторана, внутри что-то щипало. Не зависть, а скорее а что если бы?

Что если бы она не вышла замуж в двадцать три. Не родила в двадцать семь и в тридцать один. Не брала больничные,

не сидела в поликлиниках, не собирала портфели, не читала на ночь сказки, не вытирала слёзы, не гладила, не стирала, не готовила, не убирала, не успевала, не спала по четыре часа, не

Что если бы она жила, как Катя?

Елена закрыла глаза.

Катя Каренина. Однофамилица той самой Анны. Шутка судьбы. Живёт одна, в центре, в студии с панорамными окнами. Делает сторис из спортзала, из салона, из бизнес-класса. Свободна и легка и не привязана.

Вот оно.

Катя была её тайным кумиром. Тем, кого она никогда не призналась бы вслух. «Мама, я хочу быть как тётя Катя» — нет, никогда, но внутри, в самом тёмном углу, где мы честны с собой, она хотела.

Хотя бы на день. Хотя бы попробовать.

Елена открыла глаза.

Встала. Взяла рюкзак и пошла к выходу.

Лина уже ждала. Планшет в руках, улыбка наготове.

— Решили?

— Да, — сказала Елена. — Я хочу попробовать чужую жизнь.

— Чью?

— Есть одна женщина. Катя Каренина. Она

— Не надо имён, — перебила Лина. — Я спрошу иначе: что вы хотите испытать?

— Свободу, — выдохнула Елена. — Лёгкость. Жизнь без детей, без мужа, когда ты принадлежишь только себе.

Лина кивнула. Никакого осуждения. Никакой улыбки. Просто кивок.

— Садитесь в свой чемодан.

— Что?

— В самолёт. Выход 2. Билет уже у вас.

Елена посмотрела на белую карточку в руке — она появилась незаметно. На карточке было написано: РЕЙС 1 — КА-ТЯ К.

— А как я

— Увидите, — сказала Лина. — И запомните: чужая жизнь — это не экскурсия. Вы будете чувствовать всё, что чувствует она. Вы будете ею до того момента, как решите вернуться.

— А как я пойму, что пора?

Лина посмотрела ей прямо в глаза.

— Когда поймёте, что своя — лучше.

Дверь открылась. За ней — не коридор, а свет. Просто свет. И звук — ровный гул самолётных двигателей.

Елена шагнула внутрь.

Она проснулась от вибрации.

Настоящий самолёт. Кресло — мягкое, широкое, белое. Ремни, иллюминатор, голубоватый свет.

Она не помнила, как села в этот самолёт, не помнила взлё-

та. Просто — была в аэропорту, а теперь здесь.

— Кофе, сок, шампанское?

Голос стюардессы. Елена подняла голову.

— Кофе, пожалуйста.

Стюардесса улыбнулась профессионально и налила. Чашка — тонкий фарфор. Кофе — в идеальной чашке, а не в пластиковом стаканчике.

Елена осмотрелась. Бизнес-класс, кресла полупустые, только три человека с ноутбуками, одна девушка читает книгу.

И окно.

За окном — белые облака, плотные, как вата. Самолёт шёл ровно.

Елена отхлебнула кофе и вдруг поняла, что не чувствует веса. Не физического — внутреннего. Той тяжести в груди, которая была всегда. Словно кто-то убрал камень, который она носила годами.

Она свободна.

Никто не позвонит с вопросом «мама, где моя футболка». Никто не попросит проверить уроки. Никто не разбудит в три утра из-за кошмара.

Она одна. И это прекрасно.

Самолёт пошёл на снижение.

— Уважаемые пассажиры, мы начинаем снижение

Елена задержала дыхание. Аэропорт. Совсем другой, этот яркий, шумный, огромный.

Она вышла из самолёта, и никто её не встречал и это было правильно. Она сама встречала себя.

Она взяла такси. Не детское такси с креслом, а обычное, чёрное. Назвала адрес — не домой, а в центр, в студию с панорамными окнами.

По пути смотрела в окно на чужой город. Люди спешили, машины сигналили, жизнь кипела и она была частью этой жизни — свободной, лёгкой, ничем не привязанной.

Водитель спросил:

— К кому летели?

— К себе, — ответила Елена и улыбнулась.

Квартира оказалась именно такой, как на фото.

Высокий потолок, огромные окна от пола до потолка, бетонные стены в индустриальном стиле. Минимум мебели — диван, столик, кресло. Вместо шкафа — вешалка на колёсиках и на ней платья, блейзеры, сумка.

Кухня — белая столешница, две тарелки, две кружки. Никаких детских чашек с кроликами. Никаких разноцветных ложек. Никаких магнитных досок с рисунками на холодильнике.

Тишина.

Елена прошлась по комнате. Остановилась у окна. Город внизу — как муравейник.

Она выдохнула.

И вдруг почувствовала — тишина давила. Слишком много тишины. Где звуки? Где шаги, где смех, где «мама, смот-

ри»?

Но она отогнала эту мысль, потому что это просто привычка. Ей нужно время.

Она открыла холодильник и увидела идеальный порядок: йогурты, тофу, сок сельдерея, зелень. Никакой детской пиццы, никаких наггетсов, никакого торта, который она пекла на день рождения Саши и нечаянно съела половину ночью.

Она взяла сок. Сделала глоток и почувствовала вкус травы и сельдерея.

— Боже, — прошептала она. — И это они называют жизнью?

Но решила не сдаваться. Она хотела свободы — она её получила.

Дни потекли как по маслу.

Катя — теперь она была Катей — просыпалась без будильника. Кофе в постель не приносили, потому что некому. Она варила его сама, пила у окна, смотрела на город.

Потом — работа, которая тоже из дома. Ноутбук, звонки, таблицы. Домашний офис в той самой студии, где единственный живой звук — это она сама.

Обед — сок сельдерея и тост с авокадо. Елена никогда не ела авокадо, потому что оно казалось безвкусным.

Вечером — спортзал. Тренажёры, пот, тренер с кубиками пресса, который называет её «Елена, ещё разок». Никто не ждёт её дома. Никто не кричит «мама, открой дверь, я забыл ключи».

Она возвращалась в пустую квартиру, принимала душ, ложилась спать.

Тишина.

На третий день она заметила, что разговаривает сама с собой. Не потому что сошла с ума — просто не с кем было.

— Как дела, Катя? — спросила она у зеркала.

Зеркало промолчало.

На пятый день она вышла в кафе. Одна. Заказала салат и бокал белого вина. Рядом сидели две девушки, обсуждали подруг и какие-то вечеринки. Они смеялись. Елена попыталась улыбнуться им — они не заметили. Она была невидимкой.

В её жизни, в жизни Елены, её замечали всегда. «Мама» — это эхо, которое звучит с утра до ночи. Её звали, её требовали, от неё что-то хотели. Это утомляло, да. Но это означало, что она нужна.

Здесь её никто не хотел. Никому не нужно было, чтобы она была.

На седьмой день она почувствовала это отчётливо.

Она лежала на диване в пустой квартире. Смотрела в бетонный потолок. Кофе остыл в чашке. За окном садилось солнце — огромное, красное, красивое.

И ей не с кем было разделить эту красоту.

Свобода оказалась пустой, как этот холодильник, как эта квартира, как этот бетонный потолок.

Ей не хватало шума. Не хватало, чёрт возьми, детского

крика. Не хватало Сашиных дурацких шуток. Не хватало Катиных рисунков на обоях. Не хватало Димы, который храл на футболе, но каждое утро ставил чайник, чтобы она проснулась с горячим чаем.

Не хватало её жизни.

Она села резко, как от удара.

«Я хочу домой», — подумала она.

И вдруг поняла — домой некуда. Она умерла.

Слёзы хлынули сами собой. Не рыдания — тихие, беззвучные. Она плакала в пустой квартире, и никто не пришёл её обнять.

Она вспомнила свою смерть. Не момент — ощущение. Она сидела на диване после того, как уложила детей. Устала так, что не могла пошевелиться. Смотрела в стену. И вдруг — темнота. Без боли. Без страха. Просто — темнота.

И вот она здесь.

Она не успела сказать Диме, что любит его. Не успела поцеловать Сашу перед сном. Не успела дочитать Кате сказку про Кота в сапогах — остановилась на том месте, где кот просит сапоги.

Она не успела.

А теперь она в чужой жизни, в чужой квартире, и никто не знает, что она умерла.

«Нет, — сказала она себе. — Я не хочу быть Катей. Я не хочу быть свободной. Я хочу быть Еленой. Я хочу домой. К шуму, к крику, к усталости. К своей жизни. Потому что она

— МОЯ».

Она проснулась в аэропорту.

В кресле. Рюкзак у ног — старый, пыльный, с разъехавшейся молнией и розовым носком наружу.

Елена заплакала снова — но теперь от облегчения. Она дома. Не в том доме, где муж и дети, а в том, где она — она. Где есть выбор, где можно ценить.

Она встала, взяла рюкзак — не потащила, а прижала к груди — и пошла к буфету.

Марк уже ставил перед пустым стулом чашку.

— Кофе? — спросил он.

— Да, — сказала она. — Спасибо.

Она пила, и кофе был таким же идеальным, но сейчас она чувствовала его вкус иначе. Как подарок. Как то, что не купишь за деньги.

— Я была душой, — сказала она вслух.

Марк посмотрел на неё.

— Не вы первая. Не вы последняя.

— Как вы не устаёте это слушать?

Марк пожал плечами.

— Я здесь не для того, чтобы судить. Я здесь, чтобы наливать кофе.

Она выпила чашку до дна, а потом вторую. Марк не брал денег — она и не предлагала.

Вдруг она спросила:

— А вы вы тоже когда-то сидели в том кресле?

Марк замер на секунду. Всего на секунду. Потом вытер стойку и сказал:

— Пейте кофе.

Она поняла, что не ответит.

Она подошла к выходу. Лина уже ждала. Планшет, улыбка, тёмно-синяя форма.

— Насмотрелись? — спросила Лина.

— Да.

— Поняли?

— Да.

Лина посмотрела на рюкзак. Молния разошлась, детский носок торчал наружу.

— Ваш багаж — это ваша память, — сказала Лина. — Вы забираете его с собой?

Елена посмотрела на рюкзак. Старый, пыльный, неудобный. С носком, с огрызком карандаша, с бутербродом, который она собирала три года назад.

— Забираю, — сказала она. — Весь.

Лина кивнула.

— Выход 4. Самолёт через десять минут.

— А туда — Елена запнулась. — Там что?

Лина улыбнулась — впервые по-настоящему, без усталости.

— Там то, ради чего вы родились.

Елена шагнула к двери.

— Спасибо, — сказала она, не оборачиваясь.

— Не за что, — ответила Лина. — Спасибо вам.

Дверь закрылась.

Лина посмотрела на планшет. Напротив имени «Елена В.» загорелась зелёная галочка.

Табло в зале мигнуло.

ЕЛЕНА В. — ВЫХОД 4 — ОТПРАВЛЕНА

Марк налил себе кофе — первый раз за всё время и выпил стоя. Посмотрел на пустое кресло.

— Живите хорошо, — сказал он тихо, хотя никто его уже не слышал.

Табло мигнуло зелёным.

НОВЫЙ ПАССАЖИР — ВЫХОД — ОЖИДАНИЕ

Глава 2. Андрей

Он проснулся от того, что кто-то сухо кашлял. Даже надсадно, по-стариковски. Андрей открыл глаза — и первым делом увидел старуху. Она сидела через два кресла от него, сгорбленная, в платке. Кашляла в кулак и смотрела в пол.

Рядом с ней — пустое кресло. Дальше — девушка с красными глазами, явно не спавшая долго. Она сжимала в руках телефон — мёртвый, без экрана.

Человек в дорогом костюме, но без галстука, сидел прямо, закрыв глаза. Дышал он ровно — спал или притворялся, непонятно. Мужчина с гитарой в чехле — молодой, лет двадцати пяти — листал что-то в блокноте.

Андрей насчитал пятерых. Себя — шестой.

И огромный зал ожидания.

Андрей никогда не любил аэропорты. Слишком много ожидания. Слишком много людей, которые куда-то спешат. Но здесь никто не спешил. Здесь было тихо, прохладно, и пахло кофе, который он не заказывал.

Он посмотрел вниз и увидел чемодан.

Чемодан был новый и блестящий. Чёрный пластик, хромированные уголки, четыре колеса, которые крутились во все стороны. Бирка на ручке — «VIP LOUNGE». Настоящая, из прошлой командировки. Он её не снимал, и он знал, что это его чемодан.

Андрей провёл рукой по гладкой поверхности. Чемодан даже не поцарапан. Купил год назад, когда получил повышение. Думал, будет много летать, но слетал всего три раза.

Он потянул за ручку. Колёса закрипели. Одно — левое заднее — издавало противный звук, как несмазанная тележка в супермаркете.

— Чёрт, — сказал он тихо. В командировке никто не обращал внимание, что колесо скрипит. Здесь — тишина, и скрип был слышен всем.

Старуха подняла голову. Посмотрела на него. Ничего не сказала и опять опустила глаза.

Андрей потащил чемодан к запаху кофе.

Буфет оказался маленькой стойкой из тёмного дерева. За ним — мужчина в форме. Примерно пятьдесят на вид, лицо спокойное, как у таксиста, который видел всё.

— Садитесь, — сказал мужчина.

Андрей сел. Чемодан поставил рядом — так, чтобы скрипящее колесо не было слышно. Но бесполезно, в этой тишине скрипело всё.

Мужчина поставил перед ним чашку с чёрным кофе.

— Я не заказывал.

— Это не заказ. Это всего лишь кофе.

Андрей хотел возразить — привычка, выработанная годами переговоров, — но передумал. Взял чашку и глотнул.

Кофе был идеальным для него. Тёмная обжарка, горький, горячий. Лучший кофе в его жизни. Он даже не знал, что

кофе может быть таким.

— Где я? — спросил он.

Мужчина пожал плечами.

— В зале ожидания.

— Чего?

— Своего рейса.

Андрей отхлебнул ещё. Поставил чашку. Посмотрел на чемодан, на бирку «VIP LOUNGE», на идеальные углы.

— У меня важная встреча через три часа, — сказал он.

— Я не могу здесь сидеть.

Марк посмотрел на него. Без улыбки.

— Важная встреча?

— Очень. Сделка на тридцать миллионов.

— Тридцать миллионов чего?

Андрей замер. Чего? Рублей? Долларов? Он вдруг понял, что не помнит. Были какие-то цифры, таблицы, презентация. Но зачем? Для чего?

— Неважно, — сказал Марк. — Пейте кофе.

Андрей выпил. Оставил чашку и резко встал.

— Мне нужно найти выход.

— Выход один, — сказал Марк. — Но сначала вы должны решить.

— Что решить?

Марк не ответил и стал протирать чашку.

Андрей понял, что не дожидается ответа и пошёл вдоль стеклянных стен.

Пространство было огромным. Потолки терялись в серой дымке, колонны уходили вверх, и казалось, что зал не имеет конца. Но стёкла были везде — за ними та же серая пустота.

Он прошёл мимо старухи, та всё так же сидела, сгорбившись. Мимо девушки с мёртвым телефоном. Мимо человека в костюме — тот открыл глаза, посмотрел сквозь Андрея и снова закрыл.

В дальнем конце зала он увидел старое черное табло, с зелёными буквами.

ПЁТР К. — ВЫХОД 1 — ОТПРАВЛЕН
МАРИНА А. — ВЫХОД 3 — ОТПРАВЛЕНА
ИЛЬЯ Р. — ВЫХОД 2 — ПОСАДКА

Илья Р. Андрей не знал этого человека, но почему-то захотелось крикнуть: «Илья, не надо! Посиди ещё! Выпей кофе!»

Но Илья Р. уже ушёл. Табло мигнуло, и имя исчезло.

Андрей отвернулся.

Он заметил, что в зале есть ещё кое-что. Это были часы. Большие и круглые, на дальней стене. Стрелки не двигались потому что застыли на без пятнадцати три.

Он посмотрел на свои наручные. Тоже не идут.

— Чёрт, — сказал он снова.

— Часы здесь не для того, чтобы показывать время, — раздался голос сзади.

Андрей обернулся и увидел молодую девушку в форме. Русые волосы собранные в хвост, а в руках планшет. Улыбается — коротко, чуть устало.

— Для чего же? — спросил он.

— Чтобы напоминать, что его больше нет, — сказала девушка. — Меня зовут Лина. Я провожаю.

— Куда?

— Туда, куда вы выберете, но сначала вы должны ответить на один вопрос.

Она посмотрела на него — внимательно, спокойно. Андрей почувствовал себя на собеседовании, но без напряжения. Странное чувство.

— Жалеете ли вы о своей жизни? Если да — о чём именно?

Вопрос ударил под дых.

Он не ожидал. Он ждал чего-то про рейс, про билет, про багаж, а она спросила про жизнь.

— Я — начал он и замолчал.

Потому что ответ был — да.

Он жалел, но не о том, что сделал. А о том, чего не сделал.

Он работал. Всегда работал. Двадцать лет в одной компании, от стажёра до директора департамента. Домой приезжал в десять. Иногда в одиннадцать. Жена — бывшая уже три года — говорила: «Ты женился на работе». И в этом она была права.

Есть дочь, которую зовут Катя и ей уже шестнадцать лет.

Она звонит ему раз в месяц и спрашивает про деньги. Он переводил. И всё, на этом общение заканчивалось.

Он не был на её выпускном в четвёртом классе. Не был на первом концерте, где она играла на скрипке. Не был в больнице, когда у неё был аппендицит. Потому что он был в командировке в Сингапуре.

Он не был в их жизни и не был в своей.

И вот теперь — здесь.

— Я жалею, — сказал он тихо. — О том, что не жил.

— А как вы хотели жить? — спросила Лина.

Андрей посмотрел на чемодан, на бирку «VIP LOUNGE», на идеальные углы.

— Хотел быть свободным. Как рок-музыканты, как те, кто не сидит в офисе, не отчитывается, не слушает идиотские планерки. Кто живёт по ночам, играет на сцене, и ему не нужно никому ничего доказывать.

Лина кивнула.

— У вас есть конкретный кумир?

Андрей задумался.

— Я слушал одну группу «Странные дни». Солиста звали Лёша. Он умер в тридцать пять. Передоз. Но он жил, по-настоящему. Я на его концерте был в двадцать пять — он вышел на сцену босиком, разбил гитару в конце и улыбался. Улыбался так, будто ему не нужен был никто, кроме музыки. Только музыка. Понимаете?

Андрей замолчал. Это прозвучало глупо. Сорокапятilet-

ний мужик, директор департамента, хочет быть рок-музыкантом. Смешно, как ему показалось, но Лина не засмеялась.

— Выход 3, — сказала она. — Ваш самолёт. Билет у вас.

Андрей посмотрел на белую карточку в руке. РЕЙС 2 — ЛЁША.

— А как я

— Увидите и запомните: чужая жизнь не подарок. Это аренда. Вы будете чувствовать всё, что чувствовал он. До того момента, как решите вернуться.

— А когда я пойму?

— Когда поймёте.

Дверь открылась. За ней — свет.

Андрей взял чемодан. Левое колесо заскрипело.

Он шагнул внутрь.

Он проснулся от боли в пальцах. Как будто ток прошел.

Гитара. Он сжимал гриф. Пальцы болели, мозоли горели. Он стоял на сцене — маленькой, прокуренной, в клубе, где пахло потом и дешёвым виски.

Андрей — нет, Лёша — провёл рукой по струнам. Звук вышел грязный.

— Давай, Лёха! — крикнул барабанщик. — Мы не железные.

Он посмотрел в зал. Тридцать человек, а может, сорок. Они смотрели на него. Ждали.

И вдруг он понял — он не зритель. Он — Лёша. Он чув-

чувствовал его усталость, его голод, его желание, чтобы этот концерт закончился, потому что завтра нужно ехать в другой город, в другой такой же клуб, и снова играть, и снова сорок человек, и снова грязные пальцы.

Но он улыбнулся. Кривая улыбка, которую фанаты называли «лёшинской».

— Поехали, — сказал он.

Грянула музыка.

Она была громкой, даже слишком громкой. Андрей чувствовал, как вибрирует грудная клетка, как закладывает уши, как струны режут пальцы, но в этом был кайф. Забытьё.

Он пел. Тексты были странные — про город, который съедает людей, про поезда, которые никуда не приходят. Он не понимал их смысла. Но Лёша — он — кричал их в микрофон, и зал подхватывал.

После концерта — раздевалка. Тесная, вонючая. Он снял гитару и бросил ее на диван, его руки тряслись.

— Молодец, Лёха, — сказал басист, похлопал по плечу. — Сегодня хорошо.

— Сегодня никак, — ответил он. Голос сел.

Он вышел на улицу. Холодная осень. Он закурил — хотя ненавидел курить, голос садился ещё сильнее, но Лёша курил. Значит, и Андрей курил.

В кармане — пусто. Денег на такси не было. Нужно идти пешком три километра до общаги, ну он и пошёл.

И вдруг Андрей внутри Лёши подумал: «Где слава? Где

толпы фанатов, где деньги, где свобода?»

А Лёша ответил ему — не словами, а ощущением: «Свобода — это когда нечего терять. У меня нет ничего. Ни жены, ни дома, ни работы и сплю на чужих диванах, ем, когда дадут. Я свободен, да. Но свобода — это холодный пол и пустой карман».

Дни потекли.

Андрей жил как Лёша. Спал до обеда, потому что ночью были концерты или репетиции. Ел доширак и хлеб с маслом. Иногда — если повезёт — фанатки приносили домашнее.

Он играл, каждый день по шесть часов. Пальцы кровоточили, он заматывал их лейкопластырем и играл дальше.

Группа была известна в узких кругах. Не звёзды, далеко не миллионники. Их знали тысячи две человек по всей стране. Этого хватало, чтобы не умереть с голоду, но не хватало, чтобы жить.

Однажды к нему подошёл парень после концерта. Молодой, глаза горят.

— Лёша, вы мой кумир! Я тоже хочу играть. Брошу институт и куплю гитару, буду крутым, как ты!

Лёша посмотрел на него очень устало.

— Не бросай, — сказал он. — Институт полезнее. Гитара — это боль. Если не готов болеть каждый день — не начинай.

Парень, естественно ничего не понял и ушёл обиженный.

Андрей внутри Лёши хотел крикнуть: «Ты же мечтаешь о таком! Почему не радуешься?»

Лёша усмехнулся — мысленно.

«Мечтаешь о чём? О грязных пальцах? О том, что мать не звонит, потому что умерла три года назад, а отец в запое? О том, что нет детей, потому что женщины уходят, когда видят, как я живу?»

Андрей замолчал.

Он вспомнил свою дочь Катю. Ей шестнадцать. Она звонит раз в месяц, спрашивает про деньги. Он переводит и всё.

У Лёши нет дочери, нет сына и ему никто не звонит ему. Никто не спросит про деньги. Никто не скажет «папа, я тебя люблю».

Андрей внутри заплакал.

Лёша этого не заметил. Он закурил очередную сигарету и пошёл на репетицию.

Перелом наступил на четвёртый день.

Лёша (и Андрей с ним) проснулся в чужой квартире. Девушка — фанатка, имя он даже не запомнил — спала рядом. Он тихо оделся, вышел на кухню. В холодильнике — полбанки колы и плавленый сыр.

Он сел на подоконник, съел плавленый сырок и уставился в окно. За окном — серое утро, пустая улица, мусорные баки, ни души, пусто и тихо.

И вдруг нахлынули воспоминания.

Он отчётливо увидел свой дом. Свой — не Лёшин, а Андреев. Не квартиру — дом. Тот, где он вырос. Деревянный, с верандой, с палисадником. Мать пекла пироги по воскре-

сеньям. Отец мастерил скворечник.

Они умерли оба очень давно. Но запах пирогов — он помнил. Сейчас помнил.

У Лёши не было этого. У Лёши не было ничего, кроме музыки и пустоты.

Андрей вдруг понял, что хочет домой. Не в квартиру с хрусталём и коллекцией виски. Домой — в тот самый дом, где пахнет пирогами, но того дома нет.

Есть только память.

Он сжал голову руками. И Лёша — тело, которое он занимал — почувствовал чужую боль. Лёша не понял её. Лёша никогда не жил так, чтобы терять дом.

— Ты чего? — спросила девушка с кровати.

— Ничего, — сказал Лёша. — Приснилось.

Но Андрей знал — это был не сон.

Он захотел обратно. В зал ожидания. К старухе, к парню с гитарой, к кофе. К своей жизни. Потому что у него была та, которую он променял на работу, на цифры, на командировки.

У него была дочь. Она ещё звонит раз в месяц. Она ещё может сказать «папа».

Он вернётся. Он все исправит.

— Я хочу домой, — прошептал он.

И мир вокруг растворился.

Он проснулся в кресле.

Чемодан у ног — новый, блестящий, с биркой «VIP LOUNGE». Левое колесо все так же скрипит.

Старуха всё так же сидела через два кресла. Девушка с мёртвым телефоном — на том же месте. Человек в костюме открыл глаза, посмотрел на Андрея — и кивнул. Один раз. Медленно.

Андрей выдохнул. Впервые за долгое время — без командировки, без дедлайна, без отчёта. Просто выдохнул.

Он встал, взял чемодан — тот больше не казался таким важным — и пошёл к буфету.

Марк уже ставил чашку.

— Кофе? — спросил он.

— Да.

Андрей выпил не спеша, ему уже некуда спешить. Времени у него полно. Смотрел на старуху, на девушку, на человека в костюме. Он заметил, как в зале появился новый ожидающий рейса — подросток лет шестнадцати, худой, в растянутой кофте. Он сидел в углу, обхватив колени. Не плакал, но глаза были мокрые.

Андрей хотел подойти к нему, сказать что-то. Но что скажешь? «Не умирай»? Поздно.

Он допил кофе, встал. Пошёл к выходу. Он шел медленно, время для него теперь не имело значения

Лина ждала. Улыбка — короткая, тёплая.

— Поняли?

— Понял, — сказал Андрей. — Моя жизнь — не идеал,

но она моя. Я могу позвонить дочери. Я могу всё исправить. У него — не мог никто.

Лина посмотрела на чемодан. На бирку «VIP LOUNGE». На хромированные уголки.

— Ваш багаж — это ваша память. Вы забираете его с собой?

Андрей посмотрел на чемодан. Новый, блестящий, но пустой внутри. Ни одной вещи, кроме командировочных носков и геля для душа из отеля.

— Забираю, — сказал он. — Но в следующий раз положу туда что-то важное.

Лина улыбнулась чуть шире.

— Выход 4. Самолёт через десять минут.

Андрей шагнул к двери. Остановился и обернулся.

— Лина, а тот парень, подросток он справится?

Лина посмотрела на Андрея долгим взглядом.

— Это не ваша ноша, — сказала она. — У каждого свой рейс.

Андрей кивнул. Шагнул в свет.

Дверь закрылась.

Лина посмотрела на планшет.

АНДРЕЙ В. — ВЫХОД 4 — ОТПРАВЛЕН

Табло мигнуло зелёным.

НОВЫЙ ПАССАЖИР — ВЫХОД — ОЖИДАНИЕ

Марк выключил кофемашину. Посмотрел на пустое кресло, где сидел Андрей.

— Не забудь позвонить дочери, — сказал он тихо. — У тебя теперь есть время.

Но Андрей его уже не слышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.